

Этнокультурная символика чисел в башкирском языке

При рассмотрении языковых данных в непосредственной связи с духовной и материальной культурой народа выявляются определенные закономерности в семантике чисел. «Помимо абстрактного, чисто количественного и порядкового значения, число в языке народной культуры наделяется неким дополнительным смыслом, приобретает определенную коннотацию, становится объектом оценки и символизации» [Толстая 2002: 43].

На разных этапах формирования научной мысли исследователи, включая философов, культурологов и лингвистов, обращались к проблеме символического значения и художественной функции чисел в различных мифопоэтических системах [Шеппинг 1893; Иванов 1968; Лотман 1970; Топоров 1980; Степанов 1989; Жаботинская 1992; Маковский 1996; Кириллин 2000; Толстая 2002 и др.]. Функционирование числительных в произведениях устного народного творчества является объектом исследований в трудах отечественных и зарубежных ученых [Иванова 1921; Хроленко 1972; Неклюдов 1984; Новичкова 1984; Жуковская 1988; Пюрбеев 1993; Праведников 1996]. В языкознании в плане изучения символических значений чисел отмечаются работы, затрагивающие проблемы лексико-семантического и этимологического анализа чисел [Поппе 1927; Потебня 1941; Чернышев 1946; Рамстедт 1957; Вежбицкая 1996; Апресян 2009; Blazhek 1999], семантики чисел в составе фразеологических единиц, ономастической лексики, культурологического анализа в картине мира разных народов [Сельвина 1983; Быконя 1998; Шичжан 2001; Голубева 2009].

В тюркском языкознании рассматривались функции чисел в произведениях устного народного творчества, ономастике, фразеологических единицах, мифологии [Кенесбаев 1946; Койчубаев 1969; Молчанова 1976; Кудайбергенов 1980; Петров 1980; Габышева 1988; Мурзаев 1996; Избекова 2000; Abdulla 2006; Durbilmez 2008]. В последнее время числа стали объектом внимания в связи с изучением этнокультурной лексики и реконструкцией пратюркской картины мира [Жанпеисов 1989; СИГТЯ 2006].

В башкирском языкознании, как и в тюркологии в целом, в последние годы возрос интерес к сакрализации чисел, их этнолингвистической семантике. Ученые обратили внимание на символические значения чисел в связи с изучением топонимов [Шакуров 1986; Хисамитдинова 1991; Камалов 1994; Усманова 1994; Бухарова 2003], антропонимов [Кусимова, Биккулова 1975; Раемгужина 2006], фразеологизмов [Раемгужина 1999] и этнокультурных значений слов [Хадыева 2005].

Следует различать понятия числа и числительного. Число является философской категорией, которая имеет свои логические, национально-культурные и мифологические особенности. «Число — абстрактное, лишенное особого содержания обозначение какого-либо члена некоторого ряда, в котором этому члену предшествует или следует за ним какой-нибудь другой определенный член; абстрактный индивидуальный признак, отличающий одно множество от другого того же рода» [ФЭС 2006: 513].

Числительные — это единицы системы языка, которые имеют не только логические особенности, но и сугубо языковые. К тому же, следует отметить, что формированию лексического и грамматического разряда имен числительных предшествовало возникновение понятия числа и счета. «Числительное — часть речи или класс полнозначных слов, обозначающих число, количество, меру, связанные с понятием счета» [БЭС 1998: 582—584].

Лексико-семантический и лингвокультурологический анализ чисел предполагает исследование числовых понятий с учетом их языковых, этимологических и национально-культурных характеристик. Данная статья ставит целью изучение этнокультурной символики чисел башкирского языка, встречающихся в мифологии, языке и культуре народа. Описанию подвергаются их сакральные значения, заключающие в себе национально-культурную специфику и выражающие особенности миропонимания, мирознания народа.

У разных народов существует система сакральных чисел, подчеркивающая оригинальный характер их этнических культур. У тюрков к таким числам относятся числа первого десятка: 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, а также 12 и 40 [СИГТЯ 2006: 629]. Из всего набора числового комплекса, который формирует числовые представления башкир в рамках картины мира, выделяются числа 1, 2, 3, 4, 5, 7, 9, 12, 40, 100, 1000. Сакральная символика этих чисел зафиксирована в духовной и материальной культуре, верованиях, обычаях и обрядах, заговорах, мифологических и космологических представлениях, фольклоре и языке народа.

Бер ‘один’

Число один как первый элемент числового ряда несет особую семантику. В космологической модели мира единица символизирует «первотолчок, первое движение, начало» [Ключников 1996: 39].

Праторское числительное **bi:r* ‘один’ некоторые ученые связывали с монгольским местоимением *būri* ‘всё, все, каждый’ и древнеяпонским *pitā* ‘один’ [Рамстедт 1957: 65; EDAL: №169; История башкирского народа, 1: 322], другие — со словом *barmaq* ‘палец’ [Тенишев 1978: 110], местоимением *bir/bār* ‘этот вот’, которое указывало на объекты, находящиеся близко от говорящего [Эрнитс 1987: 77—79] и т. д.

Одно из наиболее часто встречающихся значений числа *бер* ‘один’ в башкирском языке — это ‘наличие’, ‘существование’ кого-либо, чего-либо. Это значение тесно связано с употреблением слова *бер* ‘один’ в качестве неопределенного артикля. Такая семантика числа *бер* ‘один’ встречается в эпосе, сказках, где проявляются мифологические представления народа. Эпос «Урал-батыр» начинается с описания ограниченного со всех сторон пространства, именуемого *бер урын* (букв.) ‘одно место’:

Дурт яғын диңгез ураткан
Булған, ти, *бер урын* [БНТ 1972: 33].

‘С четырех сторон окруженное морем
Было место **одно**, говорят’.

Здесь *бер урын* — это определенное место, пространство, где находится какой-либо объект, персонаж или же происходит какое-либо событие, и в центре всего этого находится человек. В восприятии носителя мифологического мышления пространство обязательно обладает предметным наполнением: если нет предмета, нет и пространства. В этом некоем месте *бер урын* живет мужчина по имени Янбирде со своей женой Янбикой и двумя детьми (Урал, Шульган). Если исходить из всего контекста эпоса, то данное место *бер урын* нужно понимать как пространство, имеющее определенные пределы, где зарождается жизнь, происходит какое-либо событие, находится какой-либо объект, персонаж [Аминев 2005: 7—8].

В башкирском языке значение ‘целостности’, ‘совершенства’, передаваемое словом *бер* ‘один’, отразилось в выражениях *үзе бер гүмер* ‘целая жизнь’, *бер тигән* ‘очень хороший, самый лучший’ [Ураксин 1996: 252, 70].

Слово *бер* ‘один’ используется со словами-нумеративами и обозначает сильнейшее действие, концентрацию сил в одном куске, капле и т. д., имеющих решающее значение в жизни человека. Это значение встречается в народных поверьях, связанных с культом скота: *мал һатканда кото китмәһән тип берәр семтем йөнөн, мамығын алып калалар* ‘при продаже скота, чтобы с хозяйства не ушел *кот*¹ ‘изобилие, удача’, оставляют у себя **один** клочок шерсти или пуха из определенных мест животного’ [Хадыева 2002: 50].

Существуют запреты, подразумевающие, что одна капля, одна крошка и т. д., отделяемая от целого, единого, является разрушающей силой, нарушает целостность. Здесь значение слова *бер* ‘один’ приравнивается к целому, т. е. один как часть целого обладает теми же качествами, что и целое: *бер бөртөк икмәк валсығын төшөрөп тапарга ярамай, гөһәһ була* ‘нельзя ронять даже **одну** крошку хлеба, грех будет’; *мунсанан сыккас эскән һыуға бер генә тамсы тир тамырга тейеш түгел, ауырыу кағыла* ‘в воду, которую пьешь после бани, не должна попасть ни **одна** капля твоего пота, иначе заболешь’; *төрткә ауырыуынан кулланылған ут яңырттыу имендә бер генә оскон да һүнмәй калырга тейеш түгел, имдең көсө булмай* ‘в ритуале «обновление огня»², совершаемом при заговаривании сибирской язвы, ни **одну** искорку огня нельзя оставлять непогашенной, иначе заговаривание не будет иметь силы’ [Хадыева 2002: 120, 26].

В башкирском языке есть слова, которые несут тот или иной смысловой оттенок, связанный с числовым значением, или, иначе говоря, за этими словами подразумеваются счет, порядок, количество. Слова *яңғыз* ‘одинокий’, *һыңар* ‘не имеющий пары’, *тәүге* ‘первый’ несут одно из нескольких значений лексемы *бер* ‘один’, имеют национально-культурную семантику и отражают мифологические представления народа.

Слово *тәүге* ‘первый’, аналогично *беренсе* ‘первый’, имеет семантику первого движения, начала. Первым действиям, первому явлению придавалось сакральное значение, поскольку, по поверьям, хорошее начало обуславливает успешный ход и успешный конец. Первые действия сопровождалась ри-

¹ *Кот* — этнокультурное понятие, которое обеспечивает человеку удачу, уют, успех, счастье, богатство. *Мал кото* обеспечивает удачу в ведении домашнего скота.

² Суть ритуала «обновление огня» сводится к тому, что во время эпидемий во всей деревне гасят огонь в очагах; после этого мужчины кресалом или трением двух сухих деревянных палок добывают новый огонь, которым окуривают дома и скотные дворы.

туалами, направленными на успешное выполнение, и приобретали магический, сакральный характер: *беренсе тапкыр йәшен йәшинәгәндә теләк теләргә кәрәк* ‘во время **первой** грозы нужно загадать желание’; *беренсе тапкыр көтөү кыуғанда, мал курсаулы булһын өсөн көтөүсегә йомортка бирәләр* ‘при **первом** выгоне скота, чтобы скот был защищенным, пастуха одаривают яйцами’ [Хадыева 2002: 33, 120].

Некоторые обычаи, связанные с купанием в бане, образовались на основе поверий о духе бани (*мунса әйһе*). Входя в новую или чужую баню, человек должен поблагодарить банника, а уходя — оставить подарки: *кем дә булһа берәү мунсага беренсе мәртәбә иһә, әләүкәһенә еп бәйләп йә булмаһа тәҙрә төбөнә тәңкә һалып сыға* ‘тот, кто в **первый** раз моется в чужой бане, должен привязать к лавке нитку или оставить на подоконнике монетку’; *йәш баланы тәүге мәртәбә мунса төшөрһәләр, әләүкәһенә сук бәйләп*: «Была сук — *һиңә бүләк, һиңә бүләк*», — *тип сығып китәләр* ‘в обряде **первой** бани младенца, выходя из бани, на лавку привязывают кисточку и произносят: «Вот кисточка — тебе подарок, тебе подарок»’ [БНТ 1995: 56].

Во время новоселья важным моментом считалось первое вхождение в новый дом. Судя по полевым материалам, первым всегда переступает порог мужчина, а вслед за ним жена и другие члены семьи. В новый дом не заходят с пустыми руками. Женщина входит с коромыслом с полными ведрами воды. Также при первом вхождении в дом новоселы заходят с хлебом, кашей, молоком или квашеным молоком, символизирующими достаток и изобилие [Сулейманова 2005: 122].

В народной культуре первое действие, явление имеют значение магического начала и обозначаются особыми терминами. Например, первые волосы ребенка называются *карын сәсе* (букв.) ‘утробные волосы’, их должен стричь мужчина, эти волосы нельзя выбрасывать [Хадыева 2002: 111]. Первая рубашка младенца называется *эт кулдаге* (букв.) ‘собачья рубашка’, ее шьют из семи лоскутков с целью защитить ребенка от болезней, сглаза, злых духов. Раньше, когда ребенок вырастал, «собачью рубашку» надевали на собаку, что должно было обеспечить ребенку долголетие и неприхотливость [Хисамитдинова 2002: 116].

Слово *яңғыз* (ОТю **jaŋiz* ‘одинокый, единственный’ [VEWT: 187; ЭСТЯ 1989: 98] возводят к ПА **nīðe* ‘один, единственный’, сравнивая с ПМонг **nige(n)* ‘один’, ПКор **njəni(k)* ‘другой’ и др.-яп. *nəti* ‘только’ [EDAL: № 1481]) имеет значение ‘одинокий’, ‘не имеющий пары’ (в противоположность значениям ‘два’ или ‘несколько’). Беспарность и одиночество имели у башкир сакральное значение. Существует множество поверий, табу, примет, связанных с одинокими деревьями, являющимися местом обитания духов. Дух дерева (*ағас әйһе* букв. ‘хозяин дерева’) обычно невидим, но иногда может принимать облик кукушки или ворона; он покровитель, помощник, иногда недруг человека; наказывает тех, кто рубит, вредит одиноким деревьям; любит умиловления (привязывание лент, тряпок, ниток и др.): *ямғыр теләгәндә, яңғыз тирәккә һыу һибәләр* ‘в обряде вызывания дождя поливают водой **одинокий** тополь’ [Хисамитдинова 2002: 4].

Значение отрицательного, связи с нечистой силой, злыми духами обнаруживается в слове *һыңар* ‘непарный, без пары, один из двух’ (ОТю **s[i]ŋar* < **s(i)an-gar*; возводят к ПА **sjóna* ‘один, единственный’ > ПМонг **sondu-yai* ‘нечетный’, маньчж. *soni-xon* ‘нечетный’, ПКор **hə̀nəh* ‘один’, др.-яп. *sane* ‘совершенно, совсем’ [EDAL: №2111]). Если словосочетания со словом *яңғыз* ‘одинокый’ обозначают «одинокие» предметы или лица, которые, в основном, созданы природой, и их «одиночество» является естественным явлением (*яңғыз ағас* ‘одинокое дерево’), то значение слова *һыңар* ‘беспарный’ подразумевает то, что в силу каких-то обстоятельств спаренные явления, предметы, существа, созданные природой, лишились своей пары. В связи с этим у башкир существует множество запретов: *икмәкте һыңар кул менән бүлергә ярамай, икмәк рәһийә* ‘нельзя ломать хлеб **одной** рукой, хлеб обидится’; *утын алып ингәндә бер утынды һыңар кулга тоторға ярамай, яңғызлык теләйһең* ‘когда заносишь в дом охапку дров, в **одной** (свободной) руке нельзя держать одно полено — это к одиночеству’ [Хадыева 2002: 121, 86].

В мифологии башкир слово *һыңар* ‘беспарный’ является постоянным эпитетом в описании отрицательных персонажей, злых духов, нечистой силы, указывает на аномалию природных явлений, несовершенство существ: *шурале һыңар куллы, һыңар аяклы, һыңар мөгөзлө була* ‘леший бывает **одноруким, одноногим, однорогим**’ [Хисамитдинова 2002: 115]. Ср.: в якутском олонхо выражение *согодох биир* ‘один, единственный, одинокий’ участвует в образовании эпитетов и усиливает отрицательные качества персонажей [Избекова 2000: 113].

Ике ‘два’

Природа числа *два* подразумевает парность, в частности, в таких ее аспектах, как четность, дуальность, двойничество, близнецество, с одной стороны, и противостояит одному, единому — с другой [Топоров 1982: 629].

В алтаистике принято считать, что первоначальное значение тюркского числительного (ПТю **ejki* ‘два’) было ‘ближайший, следующий’, и связывать его с ПКор **räki* ‘следующий’, др.-яп. *räka* ‘другой’ [Ramstedt 1957: 92—93; EDAL: № 2787; История башкирского народа, 1: 322]. Э. Р. Тенишев выдвигает гипотезу, что числительное *eki* ‘два’ произошло от встречающегося в орхонских памятниках глагола *er-* ‘следовать, преследовать’ [СИГТЯ 1988: 165]. Таким образом, по различным гипотезам, понятие *eki* ‘два’ подразумевает число, следующее за числом один, ближайшее к числу один.

С числом *ике* ‘два’ в поверьях башкир связано наличие двух миров: этого и загробного. Это выражается в пожеланиях и проклятиях: *ике донъяның рәхәтен күр* ‘живи хорошо в двух мирах’ [Хадыева 2002: 124]; *ике донъяла изгелек күрмәгер* ‘чтоб не видать тебе добра в двух мирах’ [СБЯ 1993, I: 369].

В ранних космологических и мифологических представлениях башкир число *ике* ‘два’ также рассматривалось как единство и в то же время противоположность двух начал. В эпосе «Урал-батыр», где отразились отголоски мифологических представлений, число *ике* ‘два’ употребляется в значении единства двух начал:

*Икәүҙән-икәү шул ерҙә
Башлап гүмер иткән, ти.
Тора-бара ул икәү
Ике уллы булып киткән, ти* [БНТ 1972: 33].

‘Двое надвое в тех местах
Жизни плод они зародили.
Родилось у них двое детей,
Двое родилось сыновей’.

Число *ике* ‘два’ употребляется при описании явлений, олицетворяющих противоположность двух начал. В своих записках Д. П. Никольский особо останавливается на описании представлений или, как он сам пишет, мирозерцания башкир: «По представлениям башкир, в мире живут два начала: одно начало — добра, другое — зла, и между ними происходит постоянная борьба из-за человека. Этим же двум началам и их представителям приписывается происхождение многих явлений природы, поступки людей, их удачи или неудачи, счастье или несчастье и т. д. Представителями добра являются ангелы, а зла — шайтаны (дьяволы); последние употребляют все усилия и способы, чтобы сделать человеку, его скотине, занятиям и т. п. что-нибудь худое, и их старания увенчиваются успехом и в особенности там, где люди много грешат и живут не по заповедям» [Никольский 1899: 116].

Как говорилось выше, естественной является спаренность предметов, явлений. В башкирской мифологии наблюдается особое отношение к спаренным предметам (например, к сдвоенным плодам, сдвоенному желтку и др.): их считали священными, требующими особого отношения. Значение спаренности, целостности передается словами *игез* ‘двойня’, *куш* ‘парный, спаренный’, *иш* ‘пара’.

По поверьям, парные предметы и существа нельзя лишать пары: *куш ағастың береһен генә кисергә ярамай, яңғыз калаһың* ‘нельзя рубить только одно из сросшихся деревьев — останешься в одиночестве’ [Хадыева 2002: 125]. Подарки, угощения, преподносимые незамужним девушкам и неженатым молодым людям, должны быть парными, что символизирует пожелание найти свою пару — жену или мужа: *өйләнмәгән кыз һәм егеттәргә булakte ишле итеп бирергә карак, ишләнеү теләген аңлата* ‘незамужним девушкам и неженатым парням нужно дарить парные подарки, что подразумевает пожелание замужества или женитьбы’ [Хадыева 2002: 125]; *куш муйылды баш астына һалып ятһаң, кемгә кейәүгә бараһың йәки кемде кәләш итеп алаһың, шуны төшөңдә күрәһең* ‘если под подушку положить сросшиеся плоды черемухи, приснится твой будущий муж (жена)’ [БНТ 1995: 152].

Некоторые запреты содержат противопоставления чисел *бер* ‘один’ и *ике* ‘два’: *ике кешегә бер юлы көзгөгә қарарға ярамай* ‘двоим нельзя одновременно смотреться в одно зеркало’; *ике кешегә бер тағтамалға һөртөнөргә ярамай* ‘два человека не должны вытираться одним полотенцем одновременно’; *бер йортка ике өй ултыртырға ярамай* ‘в одном дворе нельзя строить два дома’ и т. д. [Хадыева 2002: 126]. Здесь можно говорить о понятии *өлөш* ‘доля, предназначенная человеку Богом’. По представлениям башкир, каждый человек еще до рождения наделяется своей долей (*өлөш*), которая отмеряется сверху и записывается на лбу человека. В понятие *өлөш* ‘доля’ у башкир входят причитающаяся человеку жизнь, предначертанная судьба, предписанные поступки, предназначенные встречи и предопределенная смерть [Хисамитдинова 2002: 193—195].

В башкирской мифологии рождение близнецов, двойни (*игез/игезәк*) оценивалось, в основном, положительно. Существует система поверий и примет по отношению к двойне в семье: *игезәктәр бер*

бөтөн тип һаналған: береһе йөрәк, икенсеһе бауыр; йөрәк булғаны үлһә, икенсеһе лә йәшәмәйсәк; бауыр булғаны үлһә, икенсеһе артабан йәшәүен дауам итәсәк ‘близнецы (двойня) считались одним целым: один из них — сердцем, другой — печенью; если умрет тот, который считается сердцем, и второй не будет жить; если умрет тот, который считается печенью, то второй будет жить’ [Хадыева 2002: 126]. У башкир мать близнецов, ее руки, предметы ее одежды считались целебными, т. е. способными излечивать от разных болезней. Стельками, украденными у нее, окуривали больного или помещение, отгоняя (изгоняя) злых духов.

В представлениях древних тюрков, близнецы — самые близкие между собой братья, брат и сестра или сестры. Существует выражение *egiz baladaj* ‘словно близнецы’, подчеркивающее самые близкие родственные отношения [СИГТЯ 2006: 549]. Названия близнецов во всех тюркских языках являются словами, образованными от числительного *eki* ‘два’. По мнению Э. Севортыяна, *ekiz* ‘близнецы’ представляет собой производное от числительного *eki* ‘два’ посредством аффикса *-z* [ЭСТЯ 1974: 253]. Отсутствие других названий для близнецов в тюркских языках говорит о древности и длительности существования этого общетюркского слова (ПТю **ejkiř*, чув. *jəGar*, заимств. в ПМонг **igire*) [СИГТЯ 2006: 549; Дыбо 2007: 56].

Значение числительных *бер* ‘один’ и *ике* ‘два’ усложняется еще более глубокой семантикой четности и нечетности чисел в целом. Так, по традиции башкир, грудное вскармливание младенца раньше длилось до одного и полутора лет, иногда до трех и более. Отнимать от груди не рекомендовалось в возрасте двух или четырех лет: согласно поверью, отлучение ребенка от груди в четные годы сокращало жизнь родителей [Гумаров 1980: 130].

Өс ‘три’

Число *три* является одним из самых распространенных сакральных чисел в культурах народов мира. Объяснение тому, почему *три* трактуется как образ некоего абсолютного совершенства, некоторые исследователи находят в свойствах самого числа *три*, представляющего собой идеальную структуру с выделяемым началом, серединой и концом [Топоров 1980: 22]. Но есть и другое объяснение, согласно которому, космологические представления древних людей о верхнем, среднем и нижнем мирах привели к принципу троичности [Евсюков 1988: 143].

Этимологию ПТю числительного **iř* ‘три’ возводят к ПА **ŋiu(č)* ‘три’ [EDAL: №1553; История башкирского народа, 1: 322]. Существуют и другие этимологии: Г. И. Рамстедт сравнивал тюрк. *iř* с монг. *ičü-ken* ‘маленький, немного’, тунг. *iču-le* ‘разбивать, делить на куски’ и т. д. [Ramstedt 1957: 148]. К. К. Юдахин, наблюдавший игру киргизских детей в альчики, записал систему счета с употреблением *iř* в значении предела счета — ‘пять’. Он установил в качестве первоначального значения киргизское *iř* ‘конец’ [Юдахин 1940: 191—193]; ср. также предполагаемую связь с ОТю *iř* ‘конец, вершина, острие’ в [Чанышев 1985: 79]. Э. Р. Тенишев также предполагал, что первоначальный предел счета *iř* стал обозначать ‘три’ [СИГТЯ 1988: 166].

В древнейших представлениях башкир с числом *өс* ‘три’ связано членение мифологического пространства на мир подземный, земной и небесный. В эпосе «Урал-батыр» сохранились отголоски древнейших мифов о «первотворении», космической модели Вселенной в ее трихотомическом варианте: 1) о верхнем, небесном, мире, где живут бессмертные небожители (*күк өстө*); 2) среднем, земном, населенном обыкновенными людьми (*ер өстө*); 3) нижнем, подземном, где живут темные и злые силы, приносящие вред обитателям среднего мира и небожителям (*һыу / ер асты*). Представление о трехъярусной модели мироздания было свойственно и другим народам. Так, в якутском эпосе Вселенная состоит из трех миров: верхнего — небес (*Үөһээ дойду*), среднего — земли (*Орто дойду*), нижнего — преисподней (*Аллараа дойду*) [Избекова 2000: 69].

Мифологические воззрения, древнейшие представления человека о мире, жизни нашли специфическую и образную материализацию в обрядах, ритуалах, обычаях. Так, число *три*, символизирующее завершенность и полноту некоторой последовательности, имеющей начало, середину и конец, чаще всего фигурирует в обрядовых и ритуальных ситуациях, при которых то или иное магическое действие совершается трижды. В народной магии нужно заклинание, молитву, действия, ритуал, определенное слово и словесные формулы для мощного воздействия необходимо повторять три раза. *Йығылганда: «Тфү, тфү, тфү, шайтан, миңә кагылма, ана еңгә кагыл», — тип һамаклап кагынып-һугынып йығылған ергә өс тапкыр төкөрәһең* ‘при падении нужно быстро вскочить, отряхнуться, сплунуть **три** раза и произнести заговор: «Тфү, тфү, тфү, черт, меня не трогай, вон беса трогай!»’ [БНТ 1995: 65].

Троекратный повтор действий особенно часто встречается в лечебной магии. В заговаривании болезней *тимерәү* ‘лишай’, *өсйән* ‘рахит’, *быума* ‘эпилепсия’, *арпа* ‘ячмень на глазу’, а также в обряде возвращения души (*кот койоу*³) действия и заговоры повторялись по три раза. Например:

Арпаны төртә-төртә имләйзәр. Арпа имләгән кешенән икенсе берәү:

— *Ни сыккан? — тин һорай.*

— *Теҗеҗе.*

— *Арпа сыккан, — тин яуап бирә.*

— *Ни имләйһең?*

— *Арпа имләйем.*

Ошо рәүешле өсәр кабат әйтәләр [БНТ 1995: 65].

‘Когда заговаривают ячмень на глазу, тычут в глаз (зернами ячменя). Кто-нибудь спрашивает у знахаря:

— Что появилось?

— Ячмень появился, — отвечает знахарь.

— Что заговариваешь?

— Ячмень заговариваю.

Так повторяют **три раза**’.

В лечебной магии, обрядах, направленных на устранение недуга или обеспечения благополучия семье, дому и т. п., условием достижения цели является использование при заговаривании трех различных предметов, взятых из трех мест: *куз тейеүзе өс мунсанан таи алып имләгәндәр* ‘сглаз заговаривали камнями, взятыми в **трех** банях’ [Хадыева 2002: 23]; *биртек ауырыуын имләгәндә өс өйзән биртек ашы йыйгандар* ‘при заговаривании радикулита собирали обрядовую пищу из **трех** домов’ [БНТ 1995: 80].

Также при заговаривании болезней распространено троекратное применение какого-либо предмета: *өзлөгөүзе дауалаганда күлдәк итәген өс урындан төйнәйзәр* ‘при лечении осложнений после родов на подоле платья больной женщины завязывают **три** узла’ [БНТ 1995: 80].

В заговорах применяются три разных предмета: *аусын ауырыуын дауалаганда өс төрлө дарыу куллангандар* ‘при лечении ящура использовали **три вида** лекарств’ [БНТ 1995: 83]; *өсйән ауырыуын өс төрлө әйбер менән имләгәндәр* ‘рахит заговаривали **тремя разными** предметами’ [БНТ 1995: 77].

В заговорах встречается использование предметов трех разных цветов: *нәстә кағылганда өс төстәге (кызыл, кара, ак) еп менән ауырыуың буйын үлсәгәндәр* ‘при заговаривании одержимости и беснования измеряли рост больного нитками **трех разных цветов** (красный, черный, белый)’ [БНТ 1995: 89].

Количество предметов в некоторых заговорах должно было равняться трем: *арпаны күзгә өс бөртөк арпаны өс тапкыр төртөп өс мәртәбә имләгәндәр* ‘ячмень на глазу заговаривали **три** раза, касаясь глаз **тремя** зернами ячменя’ [Хадыева 2002: 64].

Акцент на числе *өс* ‘три’ характерен для похоронно-поминальной обрядности мусульман. На третий день после смерти человека проводили поминки *өсө* ‘третьины’. Выражения *өсөн укытыу* ‘чтение Корана на третьины’ и *өсөн үткәреү* ‘проведение третьин’ определяют семантику третьего дня в похоронно-поминальном обряде, указывая на сакральный рубеж времени [СБЯ 1993, 2: 80].

Сакральная семантика числа *өс* ‘три’ отразилась и в материальной культуре башкир. На женское украшение *маңлайса* (налобник) монеты пришивались в три слоя (*өс кат тәңкә*), на женскую одежду *әмәйлек* (неширокий женский нагрудник, украшенный серебряными монетами, драгоценными камнями, кораллом и надеваемый наискосок через плечи) серебряные монеты нашивали в три ряда (*өс рәт тәңкә*) [Багаутдинова 1994: 51]. По поверьям, треугольная форма предмета обладала магической силой и выполняла обережную функцию: *өсмөйөшлө бетеү* ‘треугольный амулет’ — амулет треугольной формы, в который зашивалось изречение из Корана; считалось, что он охранял от болезней, несчастий и нечистой силы [Хисамитдинова 2002: 28].

³ У башкир существует понятие *кот* — душа счастья и благополучия. Если *кот* рядом, в человеке, тогда настроение, нрав, дух, здоровье и счастье находятся на месте. Кроме того, человек, у которого есть *кот*, приятен, удачлив и любим. Если душа *кот* улетает, то человек выбивается из привычной жизни, легко поддается болезням, недугам. В таких случаях проводится обряд возвращения души (*кот койоу*), когда с помощью определенных действий возвращают *кот*: над головой больного держат сосуд с водой и льют в воду расплавленный свинец, по отлившейся фигурке отгадывают существо, которое якобы испугало больного; в дальнейшем этот кусочек свинца как фигурка-оберег носится на груди.

Дүрт ‘четыре’

Ученые отмечают, что основной смысловой оттенок числа четыре — это статика, постоянство. Большинство исследователей связывают генезис традиций, относящихся к сакраментальному числу четыре, с горизонтальной структурой космической модели мира [Иванов, Топоров 1965: 109; Жуковская 1980: 209; Хроленко 1972]. Ученые отмечают, что четырехмерное членение пространства присуще человеку с древнейших времен до наших дней и оно нашло отражение не только в мифологии, эпосе и т. д., но и сугубо материальном быту — планировке первобытного и средневекового жилища древних, средневековых и даже современных городов [Жуковская 1980: 209].

ПТю *dö:rt ‘четыре’, по мнению Г. И. Рамstedта и А. Н. Самойловича, имеет основу dö-, общую с общемонгольским dörben ‘четыре’ [Рамstedт 1957: 64; Самойлович 1927: 148]; ср. также в [История башкирского народа, 1: 322]: ПА *tōj(r)V; ПТМ *du-ki ‘четвертый’, duji(n) ‘четыре’; ПЯп *dä-; ПТю *dör-t; ПМонг *dör-ben ‘четыре’, *dö-šin ‘сорок’. Я. А. Чанышев считает, что тюркское числительное tō:rt ‘четыре’ образовано лексико-семантическим способом от ОТю tür ‘сворачивай, свертывай’ + t(y) ‘палец’ [Чанышев 1985: 79]. Как рассуждает Э. Р. Тенишев, числительное tō:rt/dö:rt ‘четыре’ этимологически может быть связано с четвертым (указательным) пальцем, функция которого состоит в указании на предметы, что обозначается глаголом tört ‘толкнуть’ [СИГТЯ 1988: 167]. Похоже, что этимология числительного дүрт ‘четыре’ никак не сказалась на сакрализации числа.

Число четыре входит в довольно древнюю традицию обозначения четырех сторон, четырех углов или всего света. Ср.: др.-уйг. рун. tört buluñ ‘страны света’ (букв. ‘четыре угла’), др.-уйг. tört buluñ ‘весь мир’ (букв. ‘четыре угла’). В современных тюркских языках tört в сочетании со словами, обозначающими ‘сторона, угол’, образует словосочетания со значением ‘весь мир, земной шар; четыре стороны, угла света’: тур. dünjanın dört buğagundan ‘со всех концов света’ (букв. ‘с четырех углов света’), каз. dünjenin tört buruşı ‘весь мир, земной шар’ (букв. ‘четыре угла света’), кбалк. tört dunja ‘весь мир’ (букв. ‘четыре мира’) [СИГТЯ 2001: 582].

Деление мира на несколько отдельных частей или сторон было широко распространено и у башкир. В эпосе «Урал-батыр» говорится о четырехмерном членении пространства в представлении людей:

Дүрт ягын диңгез ураткан
Булған, ти, бер урын [БНТ 1972: 33].

‘С четырех сторон окруженное морем
Было место одно, говорят’.

Константа, исходящая из древнейших географических познаний далеких предков, служит постоянным эпитетом, выполняя уже художественно-эстетическую функцию в выражении дүрт яғың кибла ‘ступай на все четыре стороны’ (букв. ‘все твои четыре стороны кибла — направление на Каабу’) [СБЯ 1993, I: 297].

Как известно, в эпосе художественное освоение, «понимание» связываются с созерцанием глазами [Бурцев 1998: 7]. По всей вероятности, это созерцательное начало породило свои «закономерности» в освоении окружающего мира посредством числовых комплексов, которые неукоснительно соблюдаются, в частности, в эпических описаниях. Суть его заключается в том, что народ при описании объекта, устремляя свой взор по вертикальной оси (сверху вниз или снизу вверх), подбирает в качестве «эпитетов» нечетные числа три, семь и девять. Например, в башкирском языке выражение ете кат ер астында ‘под семью слоями земли’ указывает на вертикальное мифологическое пространство. Когда же человек описывает предметы и объекты, устремляя взор по горизонтальной плоскости вокруг описываемого предмета, то употребляет как «эпитеты» четные числа: дүрт тараф ‘четыре стороны’.

Такой принцип описания окружающего мира наблюдается не только в эпосе, но и активно воплощается в жизнь в повседневной практике, в частности, в построении жилищных и хозяйственных сооружений. Представления народа о четырехмерном членении пространства и мысль о четырехугольной форме жилищных построек прослеживаются в обрядах, ритуалах и поверьях: ен эйәләшкән өйҙөң дүрт мойошһә мылтык атып, ат индерең, артыш яндырып, ауырыуҙы өшкөрөп ен кыуалар ‘если в доме завелись бесы, то дом окуривают можжевельником, заводят лошадь, стреляют из ружья по четырем углам, а беса, вселившегося в больного, изгоняют способом өшкөрөү (чтением молитв, нашептыванием, сдуванием)’ [Хисамитдинова 2002: 51]; йорт эйәһе күренеп, борсон йөрәмәһен өсөн, йорттоң дүрт мойошһә йомортка һалаһың ‘чтобы домовый не беспокоил, по четырем углам дома кладут яйца’ [БНТ 1995: 56]. Такие поверья связаны с верой в существование домового (өй эйәһе), местом обитания которого является порог, потолок и углы дома.

Мифологическая окраска числа *дүрт* ‘четыре’ проявляется и в поверьях народа. По представлениям башкир, у человека бывает четыре души (*дүрт йән*): *йән* ‘душа жизни’, *исем* ‘душа имени’, *кот* ‘душа счастья и благополучия’, *тын* ‘душа дыхания’ [Хисамитдинова 2002: 59]. Эти души в совокупности определяли жизнь и смерть, здоровье и благополучие, сущность и судьбу человека, поэтому в башкирских верованиях, обычаях и обрядах, фольклоре и в целом традиционной культуре душа занимает особое место. Ср. в древнеуйгурском буддийском тексте: *tört toγum* ‘четыре рождения’ [СИГТЯ 2006: 631; ДТС 1969: 581].

Биш ‘пять’

Как отмечают исследователи, число пять предполагает земной порядок вещей и включает в себя четыре конечности тела и голову, которая их контролирует, а также четыре стороны света и центр [Керлот 1994: 577].

В отношении многих языков отмечалось, что числительное ‘пять’ происходит от слов со значением ‘рука’ [Панфилов 1977: 172—173]. Как отмечает В. В. Иванов, «наиболее подходящим предметом для обобщающих операций была пятипалая человеческая рука, свойством которой является способность взаимно однозначно соответствовать пяти каким-либо другим предметам» [Иванов 1978: 65—69]. И действительно, во многих языках мира числительное со значением ‘пять’ имеет родство со словами ‘пядь’, ‘ладонь’, ‘рука’ [Кондратов 1978: 130], например: тадж. *пенже* ‘рука, кисть руки’, рус. *пятерня*, эскимос. *манга* ‘кисть руки; пять’. Г. И. Рамstedт связывает тюрк. *beş* ‘пять’ с чув. *piläk~pilläk*, каз. *bilek* ‘запястье’ [Рамstedт 1957: 65]; ср. в [История башкирского народа, 1: 322]: ПТю **bējl-ek* ‘пять’ — инновация неясного происхождения.

По Э. Р. Тенишеву, числительное *pä:š / bā:š* восходит к слову *beläk* ‘предплечье, запястье, кисть руки’: слово состоит из корня *bel-* и аффикса уменьшительности *-äk*. Производной от *bā:l* является форма *bā:š* (на основании соответствия *l ~ š*) [СИГТЯ 1988: 168]. Э. Р. Тенишев предполагает, что «числительным пять, которое содержало в основе значение ‘рука, одна рука’, у тюрков некогда заканчивалась система счета» [СИГТЯ 1988: 168]. В башкирском языке есть выражение *бир бишеңде* ‘дай пять (пятерню)’, в котором числительное *биш* ‘пять’ употребляется в значении ‘рука’, и значит, *биш* ‘пять’ у башкир также ассоциировалось с человеческой рукой.

В башкирской народной культуре сакральное число *биш* ‘пять’ как сумма горизонтального пространства (четырех сторон) и центра встречается в эпических произведениях. В эпосе «Урал-батыр» говорится о пяти странах:

*Биш ил барын белдем мин:
Береһендә мин тыузым,
Икеһен барғас күрҙем мин,
Калған тағы икәүһен
Күрергә тин сыҡтым мин* [БНТ 1972: 83].

‘Пять стран я узнал:
В одной родился я сам,
Две увидел, когда странствовал я,
Остальные же две
Отправился повида́ть’.

Кроме того, числительное *биш* ‘пять’ наряду с нечетными *өс* ‘три’, *ете* ‘семь’ и *туғыз* ‘девять’ используется в обозначении магических отрезков времени, пространства и т. д.:

*Урал ятҡас йокларға,
Биш көн тотош йоклагас,
Шүлгәндән кыз ишкләнгәс,
Кыҙзар куйған һаҡларға* [БНТ 1972: 95].

‘Когда Урал ложился спать,
Мог он проспать **пять** дней подряд.
Опасаясь Шулъгена, к Уралу
Хумай приставила девушек [его] сторожить’ (эпос «Урал-батыр»).

В некоторых заговорах числительное *биш* ‘пять’ употребляется как сакрально значимый компонент:

*Йәшен йәшинәгәндә әйтә торған һамак:
Йәшен, йәшен, кешнәмә,
Бер кемде лә теһләмә,
Яманлыктар эһләмә,
Бына һиңә биһ нәмә.*

Ошо һамакты әйткәс, сәс, артыш йә миләш ботагы, энә, еп, тоззо төрлө якка һипкәндәр
[Хисамитдинова 2002: 72].

‘Заговор, который произносят во время грозы:
Молния, молния, не надо ржать,
Никого не кусай,
Зла не делай,
Вот тебе **пять** предметов.

После произнесения заговора по сторонам разбрасывали пять предметов: волосы, ветку можжевельника или рябины, иголку, нитку, соль’.

Использование пяти предметов в магии, возможно, связано с пятью элементами бытия; ср.: *beş qutlar* ‘пять элементов бытия’ [ДТС 1969: 97].

Ете ‘семь’

Особого рассмотрения заслуживает древнее сакральное число *семь*. Учеными предпринимались неоднократные попытки с различных точек зрения объяснить огромную популярность «магической семерки» у разных народов. Семерка воспринималась как символ счастья, удачи и благополучия, что получило столь широкое распространение в поверьях, обрядах и быту народа.

В мировой науке существует огромное количество теорий, объясняющих сакральный характер числа *семь*. Одни утверждают, что семидневные фазы луны явились предпосылками возникновения и сакрализации числа *семь* [Фролов 1968]; другие отмечают, что человек без подсчета способен правильно определять различие предметов в количестве 7 ± 2 [Миллер 1964: 192—225; Панфилов 1977: 167]. Существует также точка зрения, согласно которой, постоянство расположения семи цветов радуги явилось основой древних представлений о магическом характере числа *семь* [Иоселева 1965: 241]; по мнению В. Н. Топорова, число *семь* «возникает из суммы чисел 3+4» [Топоров 1982: 630].

Э. Р. Тенишев отмечает, что число *семь* у тюрков образует широкий круг понятий с устойчивой тенденцией — в обозначении религиозных представлений разных конфессий, формировании астрономических терминов и представлений, построении фольклорных сюжетов, пословиц и поговорок [СИГТЯ 2006: 633].

Сакральную семантику числительного ‘*семь*’, засвидетельствованную еще в раннюю эпоху, можно обнаружить в древнетюркских памятниках. Число *семь*, считавшееся магическим уже в период создания древнетюркских рунических памятников, получило в них художественно-композиционную роль: *Kül tigün kon jylka jimi jägirmikä* учды: *токузынч аї jämi отузка joñ ärtürtimiz. Баркын бәдизин bitig таи(ын) бичин jylka jiminč aї jimi отузка кон алкады(м)ыз. Kül tigün ö(lin) кырк артук(ы j)imi jашын бу- лыт таи... бунча бәдизиг тоїһун ältäbär käl(p)ti* ‘Кюль-Тегин улетел (т. е. умер) в год овцы, в семнадцатый день; в девятый месяц, в двадцать седьмой день мы устроили похороны. (Надгробное) здание резные (фигуры?) и камень с надписью (в честь) его — мы все (это) освятили в год обезьяны, в седьмой месяц, в двадцать седьмой день. Кюль-Тегин умер сорока семи лет. Камень ... столь много резчиков привели тойгцны и эльтеберы’ (Памятник в честь Кюль-Тегина)’ [Малов 1951: 64, 69].

Махмуд Кашгари в своей книге «Диван Лугат ат-Турк» при толковании понятий *jetigän* ‘Большая Медведица’ и *jetti kat kuk* ‘семь слоев неба’ опирался на представления древних тюрков о семерке [Kaşgari 1939—1943].

В «Древнетюркском словаре», составленном на основе материала из древнетюркских памятников, даются выражения с символическими значениями чисел: *jeti ayiliq nomlar* ‘семь драгоценных учений, семикнижие Мани’; *jeti jemki* ‘название манихейского обряда, связанного с принятием пищи’ [ДТС 1969: 259].

Современная алтаистика возводит ПТю числительное со значением ‘семь’ к ПА числительному **nadi-* ‘семь’: ПТМ **nada-n*; ПЯп **nana-*; ПТю **jet-ti*; ПКор **nir-(küp)* [История башкирского народа, 1: 322]. Г. И. Рамстедт тюркское число *je+ti* ‘семь’ связывает со значением ‘палец-едок’, т. е. ‘палец для еды’ (от *je-* ‘есть, кушать’) [Рамстедт 1957: 66]. М. Хартманн и М. Рясанен полагают, что *jeti* происходит

от глагола *jet-* ‘достигать’; *jet-di* > *jeti* ‘достигнуто, готово’ [Hartmann 1900: 155; Räsänen 1957: 77—78]. Их предположения развиваются Э. Р. Тенишевым, который считает, что тюркским числом семь заканчивался подсчет [СИГТЯ 1988: 169].

В башкирском языке, как и в других тюркских языках, число *ете* ‘семь’ несет мощную сакральную семантику. По частоте употребления и широте охвата сфер употребления число *ете* ‘семь’ занимает особое место среди чисел.

Числительным *ете* ‘семь’ выражаются космологические представления башкир о пространственном строении мира. По поверьям, земля и небо состоят из семи слоев. Небесное мифологическое пространство, где обитают ангелы, высшие силы, обозначается выражением *ете кат күк* ‘семи-слойное небо’. Выражение *ете кат ер асты* ‘под семью слоями земли’ указывает на мифологическое пространство, где обитают злые силы, низшие существа [Хадыева 2005: 113]. Ср.: крх.-уйг. *jetti qat kök* ‘небо с семью сводами’, кбалк. *žerni žeti qatu* ‘ад’ (букв. ‘семь слоев земли’) [СИГТЯ 2006: 633].

Выражения *ете диңгез аръягында* ‘за семью морями’ и *ете тау артында* ‘за семью горами’ обозначают границы, где начинается чужой мир. Достижение этого пространства в сказках сопровождается различными трудностями, испытаниями [Хадыева 2005: 113].

Понятие *ете юл сатында* ‘на перекрестке семи дорог’ является обозначением открытой местности, пересечения нескольких дорог, где со всех сторон дует ветер. Пересечение семи дорог несет этносемантику «опасной границы» [Хадыева 2005: 114]: считалось, что на таком месте концентрируются нечистая сила, болезни, злые духи, черные мысли и т. д. Надо остерегаться перекрестка семи дорог: нельзя останавливаться, садиться отдыхать, там не должны находиться постройки, сенокосные угодья, иначе пристанет дух болезни (*ауырыу һуғыла*) [Хадыева 2005: 123]. На перекресток семи дорог изгоняли духов болезней, выбрасывали предметы, примененные в лечебной магии, «чтобы нечистая унесла болезнь»: *тиф, осок ауырыуҙарын ете юл сатына кыугандар* ‘дух болезни тифа и духи болезней, возникших от воздействия нечистой силы, изгоняли на перекресток семи дорог’ [Хисамитдинова 2002: 55]. Для изгнания болезни раньше знахари изготавливали куклу, которую, продержав три дня за пазухой больного, вместе с золой и кусочками хлеба выбрасывали на перекресток семи дорог.

Сакральное значение семерки обнаруживается и в понятии *ете төн уртаһы* ‘середина семи ночей, глубокая ночь’, воспринимаемом в поверьях как время мистических явлений: *ете төн уртаһында күк кабағы асыла һәм оҗмах күренә* ‘глубокой ночью (в середине семи ночей) открывается небесный купол и становится видным рай’; *һәр айҙың 14-се көнөндә ете төн уртаһында һыу кызҙары күл өҫтөнә сығып сәстәрән тарай* ‘14-го числа каждого месяца глубокой ночью (в середине семи ночей) русалки выходят из воды и расчесывают волосы’ [Хадыева 2002: 31]; *ете төн уртаһында абаға сәскә ата* ‘глубокой ночью (в середине семи ночей) расцветает папоротник (мифический огненно-красный цветок, делающий счастливым того, кто его увидит)’ [Хадыева 2002: 123, 15]. Ср.: каз. *жеті қарақшыны таныған жеті тунде адаспас* [Кенесбаев 1946: 4] ‘тот, кто распознает на небосклоне Большую Медведицу, и глубокой ночью не заблудится’.

Семерка выступает как удобный эталон для отсчета времени. Значение предела времени числительное *ете* ‘семь’ несет в сочетаниях, выражающих родственные отношения: *ете быуынын белеу* ‘знать семь поколений’. Считалось, что башкир должен был знать своих предков до семи колен. То же самое значение имеет выражение *ете атаһы* ‘семь отцов’ — до семи колен, семизначного предела мир является родным, своим, а за семью начинается чужое. Выражение *ете ят* букв. ‘семикратно чужой’ употребляется для передачи значения отсутствия родственных уз [Хадыева 2005: 113]. В других тюркских языках также встречаются выражения, которые несут семантику семизначного предела родственных отношений: каз. *žeti ata* букв. ‘семь отцов’, кбалк. *žeti atadan beri* ‘испокон веков’ (букв. ‘начиная с семи отцов’) [СИГТЯ 2001: 584].

Число *ете* ‘семь’ как эталон времени закрепилось и в религиозных представлениях: на седьмой день после смерти человека проводили седмины (*етеһе*). Выражения *етеһен укытыу* ‘чтение Корана на седмины’ и *етеһен үткәреу* ‘проведение седмины’ также указывают на значимость седьмого дня поминок как сакрального рубежа времени [СБЯ 1993, 1: 732]. Ср.: в узбекской традиции *jetti* ‘четвертый траурный день’ (число семь складывается из трех ночей и четырех дней) [СИГТЯ 2006: 633].

При определении количества предметов и их вида, а также при счете, повторе вопросов и ответов и т. п., что характерно для целого ряда обрядов, семерка выбирается как число, обладающее мощной магической силой: *ете бөртөк арпа менән арпа имләу* ‘заговаривать ячмень на глазу семью зернами ячменя’ [Хадыева 2002: 124]; *бил биртенгәндә ете өйҙән биртек йыйыу* ‘собирать из семи домов обрядовую пищу для заговаривания радикулита’ [Хисамитдинова 2002: 29]; *ен кағылганда ауырыуҙың буйын ете төрлө еп менән үлсәу* ‘измерение роста больного нитками семи разных цветов при болезни от воздействия нечистой силы’ [БНТ 1995: 89].

Отрезок времени, в течение которого выполняется какое-либо действие, в сказках и эпосе определяется магическим числом *ете* ‘семь’ и передается выражениями *ете көн*, *ете төн* (*барыу, йоклау, алышыу* *h. б.*) ‘семь дней, семь ночей (идти, спать, сражаться и т. д.)’: *Ете көн, ете төн урманда кызырып йөрөгәндән һуң, кинйә улы бер мәмерйә алдына килеп сыккан* ‘Семь дней, семь ночей бродил младший сын по лесу, пока не оказался у пещеры’ (сказка «Три невестки»).

Тугыз ‘девять’

В ряде традиций число девять является главным сакральным числом. Как считает Н. Л. Жуковская, причина употребления девятки как «символа полноты и завершенности» заложена в математической природе этого числа: «число девять в десятичных системах счета — самое полное и наибольшее число первого числового ряда» [Жуковская 1992: 10].

В тюркских языках числу девять свойственно значение полного предела количества предметов и действий [СИГТЯ 2006: 634]. В современных тюркских языках встречаются различные случаи символической полноты числа девять: тур. *dokuz babaly* ‘внебрачный ребенок’ (букв. имеющий девять отцов); ктат. *doqiz* ‘комплект белья как свадебный подарок жениху’; каз. *bir toyuz* ‘подарок из девяти предметов или девяти видов скота’; кирг. *toyuz* ‘подношение или штраф из девяти видов скота’; узб. *tiqqiz tovoq* ‘угощение, подаваемое на подносах гостям (женщинами) во время свадьбы, состоящее, по установленному обычаю, из девяти различных блюд’ [СИГТЯ 2006: 634].

Г. И. Рамстедт относит тюркскую форму *toquz* к монг. *tokur* ‘несгибающийся, скрюченный (о пальце)’ [Рамстедт 1957: 66]; ср. в [История башкирского народа, 1: 322]: ПТю **tokur* — инновация неясного происхождения. М. Рясänen считает, что числительное *toquz* ‘девять’ в конечном итоге связано с побудительной формой от глагола *toky-* ‘стучать’ — *tokkyz-* ‘вели стучать’ [Räsänen 1957: 78]. Числительное *toquz* ‘девять’ у тюрков было когда-то пределом счета: об этом свидетельствуют его значение ‘много, неисчислимо’ в турфанском говоре уйгурского языка и счет на девятки у якутов *syly toyusa* ‘калым в размере девяти лошадей, девяти быков и девяти коров’ [СИГТЯ 1988: 171].

У башкир число *туғыз* ‘девять’ встречается в верованиях, связанных с рождением ребенка. По представлениям народа, ребенок появляется на свет по истечении девяти месяцев, девяти дней, девяти часов и девяти мгновений. Жизнетворящая сила и целостность числа *туғыз* ‘девять’ прослеживаются в пожеланиях повивальной бабки:

*Тугыз айза тулгандың,
Тугыз көндә болгандың,
Кендек инәң мине бел...* [БНТ 1995: 235].

‘Девять месяцев вертелся,
Девять дней крутился,
Знай, я — повивальная бабка...’

Сакральное значение числительного *туғыз* ‘девять’ отмечается в трудах известного тюрколога А. Инана. В частности, в легенде о творении пратюрков говорится: *Һыу, тупрак һәм кояштың эселеге (ут) элементтарынан гибәрәт булған был йыйылма матдә өстөнән туғыз ай буйы ел иҫте, ти. Ошолай итеп дүрт элемент: ут, ер, һыу һәм һауа ойшоһоп берләштеләр. Туғыз айҙан һуң был яралыуҙан кеше формаһында бер мәхлүк килеп сыккан* [Инан 1998: 34]. ‘Над этим веществом, образованном из элементов воды, земли и огня, дул ветер на протяжении девяти месяцев. Таким образом, смешались и объединились четыре элемента — огонь, земля, вода и воздух. По истечении девяти месяцев из него образовалось существо в человеческой форме’.

В мифологии башкир числительное *туғыз* ‘девять’ (наряду с числительными, обозначающими 3, 6, 7 и 12) используется при указании количества голов некоторых мифических существ. В сказках встречаются девятиголовые змеи, драконы и дивы: *туғыз башлы аждаһа* ‘девятиглавый дракон’, *туғыз башлы дейеү* ‘девятиглавый див’, *туғыз башлы йылан* ‘девятиглавая змея’.

Ун ике ‘двенадцать’

Из произведения чисел три и четыре возникает число двенадцать, которое также принадлежит к наиболее употребительным в мифопоэтических культурах числовым шаблонам (двенадцать частей года, соответственно — знаков зодиака и т. п.) [Топоров 1982: 631]. Причина сакральности числа двенадцать, как полагают Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов, зависит от деления года на двенадцать месяцев [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 854—855].

У тюрков числительное со значением ‘двенадцать’ участвует в образовании астрономических и календарных терминов: крх.-уйг. *on iki ükäk* ‘двенадцать знаков зодиака’, ср.-уйг. *bütünlүkin ajlar sany* *Taңry üskindä on iki aj* ‘всего месяцев в ведении Танры — двенадцать’ [СИГТЯ 2006: 635].

Другая функция числительного ‘двенадцать’ у тюрков — выражение полноты, целостности: каз. *on jeki tüşe* ‘весь организм, все тело’ (букв. ‘двенадцать членов’), *on jeki saqqa* ‘всякого рода, разнообразный’ (букв. ‘двенадцать догадок’) [СИГТЯ 2001: 590].

У башкир с числом *ун ике* ‘двенадцать’ связано летоисчисление, основанное на двенадцатилетнем цикле (*мөсәл*). Обычно по тюркскому календарю (*мөсәл*) вели исчисление благоприятных и неблагоприятных годов [Хисамитдинова 2010: 224].

Сакральное число *ун ике* ‘двенадцать’ также встречается в мифологических представлениях башкир, связанных с двенадцатью небесными богами (*тәңрә*). О поклонении башкир двенадцати божествам писал в X в. Ибн-Фадлан: «Кое-кто из них говорит, будто бы у него двенадцать господов: “у зимы господь, у лета господь, у дождя господь, у ветра господь, у деревьев господь, у людей господь, у лошадей господь, у воды господь, у ночи господь, у дня господь, у смерти господь, у земли господь, а господь, который на небе, самый большой из них”. Однако он объединяется с теми в согласии, и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ» [Ковалевский 1956: 130—131].

Кырк ‘сорок’

По мнению М. Рясанена, числительное *qırq* ‘сорок’ означает ‘излом, поломку’, иными словами, ‘предел счета’ [Räsänen 1957: 76]. Как отмечает Э. Р. Тенишев, полнота, достигающая предела, лежит в основе ритуального значения числа сорок: тур. *kyrky çykmak* ‘миновать, пройти — о сорока днях (после родов, рождения и кончины)’, тур. *kyrkyn etmek / geçirmek* ‘устраивать (проводить) сороковины’; кирг. *qırq* ‘сорок дней после родов; сороковины, сорочины’ [СИГТЯ 2006: 636].

В древнеуйгурском сказании об Огузе, посвященном одному из легендарных воителей (эпониму тюркских народностей), также можно обнаружить материал, говорящий о решающем значении сорокадневного отрезка времени: *Ошул оғул анасінің көгүзүндүн оғузні ічіб мундун артığрак ічмәді, жіг эт аш сүрмә тіләді, тілі(гә) кәлә башладі... Кірік күндүн соң бәдүкләді, жүрүді, оінаді*. ‘Из груди своей матери этот ребенок вкусил молоко и больше не пил: мяса сырого, пищи, вина хотел и заговорил... Через сорок дней он (Огуз) вырос, ходил и играл’ [Щербак 1959: 22—23].

В башкирском языке сакральное значение числительного *кырк* ‘сорок’ ярко выражено в поверьях, связанных с рождением и смертью человека, где отражены ранние мифологические, а также религиозные представления народа о сорокадневном сроке вселения души (после рождения) и оставления душой тела (после смерти): *кешегә йән кырк көн эсендә инә һәм кырк көн эсендә генә китә* ‘душа вселяется в человека до сорока дней после рождения и покидает также в течение сорока дней после его смерти’ [Хадыева 2002: 118]. Этнокультурное понятие о значимом сороковом счете у башкир закрепилось в ритуальном наименовании *кыркы сығыу* ‘миновать, пройти — о сорока днях после смерти или родов, рождения’ [Хадыева 2005: 115].

Существует очень много поверий и запретов, связанных с сорокадневным периодом после рождения ребенка: в течение сорока дней нельзя оставлять младенца без присмотра, т. к. его может подменить черт (при необходимости надо положить в колыбель нож или другие обереги) [Хисамитдинова 2002: 15]; до сорока дней нельзя укладывать младенца на лавку в бане [Хисамитдинова 2002: 17]; первые волосы младенца нужно стричь до сорока дней [Хадыева 2002: 72] и др.

Значимость сорокадневного отрезка времени после смерти человека проявляется в следующих поверьях: *мәрхүмдең йәне кырк көн буйына өйзә йәки өй тирәһендә, үлгәндең тугандары, кәрзәштәре янында осоп йөрөй, ти* ‘говорят, душа покойного в течение сорока дней летает в доме, вокруг дома или около родственников’ [Хисамитдинова 2002: 70]; через сорок дней после смерти человека проводят поминки — *кыркы*. Выражения *кыркын үткәреу* ‘проведение сороковин’ и *кыркын укытыу* ‘чтение Корана на сороковины’ связаны с поминальным обрядом башкир [СБЯ 1993, 2: 733]. В других тюркских языках поминки на сороковой день обозначаются выражениями: туркм. *qırqu* ‘сороковины’, каз. *qırqın berdi* ‘устроили (букв. дали) сороковины’, алт. *kyryk* ‘поминки на сороковой день’, чув. *xērēx kunxi* ‘поминки на сороковой день’ [СИГТЯ 2001: 592].

В пространственном измерении числительное *кырк* ‘сорок’ также несет семантику магического предела, границы безопасности: *зыяратты кырк азым ерзән урап үтергә карәк* ‘кладбище надо обходить на расстоянии сорока шагов’ [Хадыева 2002: 119]; *мәрхүмде күмгәс, кәбер янында мулла йә берәй укымышлы карт тыңларга қала: ул кәберзән кырк азым һанан ергә ята ла тыңлай — үлгән кешенән ике фәрештә һорау алырға қилә* ‘после погребения у могилы покойного остается мулла или другой пожилой человек: он, отсчитав сорок шагов от могилы, ложится и, приложив ухо к земле, слушает — к умершему приходят допрашивать два ангела’ [БНТ 1995: 357].

В обрядах количество и счет действия указывают также на сакральность числа *кырк* ‘сорок’: *ямгыр сакырғанда һамак ғәйтә-ғәйтә яғындағы күпергә йәки бәсмаға кырк күнәк һыу коялар* ‘в обряде вызывания дождя выливали на мост **сорок ведер** воды’ [БНТ 1995: 120]; *кырк бизрә һыу алып бысранған козокто тазарталар* ‘загрязненный колодец чистят, вычерпывая из него **сорок ведер** воды’ [Хадыева 2002: 119].

В башкирском языке сакральная семантика числительных *йөз* ‘сто’ и *мең* ‘тысяча’ связывается со значениями ‘много’, ‘множество’, а также с долголетием, вечностью. В выражениях *йөз йәшә* ‘живи до ста лет’, *мең йәшә* ‘живи до тысячи лет’ числительные *йөз* ‘сто’ и *мең* ‘тысяча’ передают пожелание долголетия [СБЯ 1993, 1: 798].

Числа сто и тысяча употребляются также для определения признака долголетия мифологических змей. По представлениям башкир, змея (*йылан*), дожив до ста лет, становится драконом (*аждаһа*). Мифологический персонаж *аждаһа* ‘дракон’, проживший тысячу лет, становится змеей-оборотнем (*юха*) [БНТ 1995: 50].

Таким образом, числа сакрализуются в культуре башкир и включают в себе ярко выраженные культурные значения. Числа, рассмотренные в данной статье, имеют разный семантический статус в башкирском языке, но одно положение видится как объединяющее, а именно их сакральный, магический характер.

Анализ сакральных чисел башкирского языка показал, что их национально-культурные особенности проявляются в представлениях, связанных со следующими значениями: 1) структура мироздания — пространство по горизонтали (*дүрт тараф* ‘четыре стороны’), пространство по вертикали (три мира — нижний, средний и верхний); 2) измерение времени (*кырк көн* ‘сорок дней’); 3) количественная характеристика, объем, размер, расстояние (*ете бөртөк арпа* ‘семь зерен ячменя’, *кырк күнәк һыу* ‘сорок ведер воды’); 4) граница, предел (*ете тау артында* ‘за семью горами’) и др.

Сокращения

алт. — алтайский язык	ПМонг — прамонгольский язык
букв. — буквально	ПТМ — пратунгусо-маньчжурский язык
др.-уйг. — древнеуйгурский язык	ПТю — пратюркский язык
др.-яп. — древнеяпонский язык	ПЯп — праяпонский язык
заимств. — заимствование	рун. — рунический
каз. — казахский язык	рус. — русский язык
кбалк. — карачаево-балкарский язык	ср.-уйг. — среднеуйгурский язык
кирг. — киргизский язык	тадж. — таджикский язык
крх.-уйг. — караханидско-уйгурский язык	тунг. — тунгусские языки
ктат. — крымско-татарский язык	тур. — турецкий язык
маньчж. — маньчжурский язык	туркм. — туркменский язык
монг. — монгольский язык	тюрк. — тюркские языки
ОТю — общетюркский язык	узб. — узбекский язык
ПА — праалтайский язык	чув. — чувашский язык
ПКор — пракорейский язык	эскимос. — эскимосские языки

Литература

- Аминев 2005 — Аминев З. Г. Космогонические воззрения древних башкир. Уфа, 2005. {Aminev 2005 — Aminev Z. G. Kosmogoničeskie vozzrenija drevnix baškir. Ufa, 2005.}
- Апресян 2009 — Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. В 2-х тт. М., 2009. {Apres'an 2009 — Apres'an Ju. D. Issledovaniya po semantike i leksikografii. V 2-x tt. M., 2009.}
- Багаутдинова 1994 — Багаутдинова М. И. Башкирско-русский словарь этнографических терминов. Уфа, 1994. {Bagautdinova 1994 — Bagautdinova M. I. Baškirsko-russkij slovar' etnografičeskix terminov. Ufa, 1994.}
- БНТ 1972 — Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос (на башк. яз.) / Сост., авт. вступ. статьи и коммент. Сагитов М. М. Отв. ред. Харисов А. И. Уфа, 1972. {BNT 1972 — Baškirkoe narodnoe tvorčestvo. T. 1. Epos (na bašk. jaz.) / Sost., avt. vstup. stat'ji i komment. Sagitov M. M. Otiv. red. Xarisoov A. I. Ufa, 1972.}
- БНТ 1995 — Башкирское народное творчество. Т. 1. Обрядовый фольклор (на башк. яз.) / Сост., авт. вступ. статьи и коммент. Сулейманов А. М., Султангареева Р. А. Отв. ред. Хусаинов Г. Б. Уфа, 1995. {BNT 1995 — Baškirkoe narodnoe tvorčestvo. T. 1. Obr'adovyy fol'klor (na bašk. jaz.) / Sost., avt. vstup. stat'ji i komment. Sulejmanov A. M., Sultangareeva R. A. Otiv. red. Xusainov G. B. Ufa, 1995.}

- Бурцев 1998 — Бурцев Д. Т. Якутский эпос олонхо как жанр. Новосибирск, 1998. {Burcev 1998 — Burcev D. T. Jakutskij epos olonxo kak žanr. Novosibirsk, 1998.}
- Бухарова 2003 — Бухарова Г. Х. Мифопоэтическая картина мира в башкирской топонимии. Уфа, 2003. {Buxarova 2003 — Buxarova G. X. Mifopoetičeskaja kartina mira v baškirskoj toponimii. Ufa, 2003.}
- Быконя 1998 — Быконя В. В. Имя числительное в картине мира селькупов. Томск, 1998. {Bykon'a 1998 — Bykon'a V. V. Im'a čislitel'noe v kartine mira sel'kupov. Tomsk, 1998.}
- БЭС 1998 — Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. Ярцева В. Н. М., 1998. {BES 1998 — Bol'soj enciklopedičeskij slovar'. Jazykoznanie / Gl. red. Jarceva V. N. M., 1998.}
- Вежбицкая 1996 — Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. {Vežbickaja 1996 — Vežbickaja A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie. M., 1996.}
- Габышева 1988 — Габышева Л. Л. Функции числительных в мифопоэтическом тексте // Язык — миф — культура народов Сибири. Якутск, 1988. С. 78—92. {Gabyševa 1988 — Gabyševa L. L. Funkcii čislitel'nyx v mifopoetičeskom tekste // Jazyk — mif — kul'tura narodov Sibiri. Jakutsk, 1988. S. 78—92.}
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 — Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. 2. Тбилиси, 1984. {Gamkrelidze, Ivanov 1984 — Gamkrelidze T. V., Ivanov V'ač. Vs. Indoevropskij jazyk i indoevropcejcy: Rekonstrukcija i istoriko-tipologičeskij analiz prajazyka i protokul'tury. T. 2. Tbilisi, 1984.}
- Голубева 2009 — Голубева Е. В. Калмыцкие культурные концепты. Элиста, 2009. {Golubeva 2009 — Golubeva E. V. Kalmyckie kul'turnye koncepty. Elista, 2009.}
- Гумаров 1980 — Гумаров В. З. Народная гигиена башкир и охрана здоровья детей (кон. XIX — нач. XX вв.) // Обычаи и культурно-бытовые традиции башкир. Уфа, 1980. С. 129—134. {Gumarov 1980 — Gumarov V. Z. Narodnaja gigiena baškir i ohrana zdorov'ja detej (kon. XIX — nač. XX vv.) // Obyčai i kul'turno-bytovye tradicii baškir. Ufa, 1980. S. 129—134.}
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / Ред. Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М. Л., 1969. {DTS 1969 — Drevnet'urkskij slovar' / Red. Nadel'aev V. M., Nasilov D. M., Tenišev E. R., Ščerbak A. M. L., 1969.}
- Дыбо 2007 — Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков: Лексический фонд. М., 2007. {Dybo 2007 — Dybo A. V. Lingvističeskie kontakty rannix t'urkov: Leksičeskij fond. M., 2007.}
- Евсюков 1988 — Евсюков В. В. Мифы о Вселенной. Новосибирск, 1988. {Evs'ukov 1988 — Evs'ukov V. V. Mify o Vselennoj. Novosibirsk, 1988.}
- Жаботинская 1992 — Жаботинская С. А. Когнитивные и номинативные аспекты класса числительных (на материале современного английского языка). М., 1992. {Žabotinskaja 1992 — Žabotinskaja S. A. Kognitivnye i nominativnye aspekty klassa čislitel'nyx (na materiale sovremennogo anglijskogo jazyka). M., 1992.}
- Жанпеисов 1989 — Жанпеисов Е. Н. Этнокультурная лексика казахского языка (на материалах произведений М. Ауэзова). Алма-Ата, 1989. {Žanpeisov 1989 — Žanpeisov E. N. Etnokul'turnaja leksika kazaxskogo jazyka (na materialax proizvedenij M. Auezova). Alma-Ata, 1989.}
- Жуковская 1980 — Жуковская Н. Л. Семантика чисел в калмыцком эпосе «Джангар» // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов. М., 1980. С. 207—212. {Žukovskaja 1980 — Žukovskaja N. L. Semantika čisel v kalmyckom epose «Džangar» // «Džangar» i problemy epičeskogo tvorčestva t'urko-mongol'skix narodov. M., 1980. S. 207—212.}
- Жуковская 1988 — Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988. {Žukovskaja 1988 — Žukovskaja N. L. Kategorii i simbolika tradicionnoj kul'tury mongolov. M., 1988.}
- Жуковская 1992 — Жуковская Н. Л. Число девять как символ полноты и завершенности в архаическом мировоззрении и традиционной культуре (на монгольском материале) // Шаманизм как религия: Генезис, реконструкция, традиции. Якутск, 1992. С. 9—10. {Žukovskaja 1992 — Žukovskaja N. L. Čislo dev'at' kak simvol polnoty i zaveršennosti v arhaičeskom mirovozzrenii i tradicionnoj kul'ture (na mongol'skom materiale) // Šamanizm kak religija: Genezis, rekonstrukcija, tradicii. Jakutsk, 1992. S. 9—10.}
- Иванов 1968 — Иванов В. В. Числовые характеристики римской мифологии и ритуалов // III летняя школа по вторичным моделирующим системам: Тезисы. Тарту, 1968. С. 124—127. {Ivanov 1968 — Ivanov V. V. Čislovye charakteristiki rimskoj mifologii i ritualov // III letn'aja škola po vtoričnym modelirujuščim sistemam: Tezisy. Tartu, 1968. S. 124—127.}
- Иванов 1978 — Иванов В. В. Чет и нечет: Асимметрия систем. М., 1978. {Ivanov 1978 — Ivanov V. V. Čet i nečet: Assimetrija sistem. M., 1978.}
- Иванов, Топоров 1965 — Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы: Древний период. М., 1965. {Ivanov, Toporov 1965 — Ivanov V. V., Toporov V. N. Slav'anskije jazykovye modelirujuščie semiotičeskie sistemy: Drevnij period. M., 1965.}
- Иванова 1921 — Иванова З. П. Типични числа въ българската народна песни // Известия на семинара по славянска филология при университета в София. Кн. 4. София, 1921. С. 513—529. {Ivanova 1921 — Ivanova Z. P.

Tipični čisla v" b"lgarstkata narodna pesni // Izvestija na seminaru po slav'anska filologija pri universiteta v" Sofija. Kn. 4. Sofija, 1921. S. 513—529.}

Избекова 2000 — *Избекова Е. И.* Числительные в олонхо: Структура и семантика / Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. Якутск, 2000. {Izbekova 2000 — *Izbekova E. I.* Čislitel'nye v olonxo: Struktura i semantika / Dis. na soiskanie učenoi stepeni kand. filol. nauk. Jakutsk, 2000.}

Инан 1998 — *Инан А.* Шаманизм: История и современность (на башк. яз). Уфа, 1998. {Inan 1998 — *Inan A.* Šamanizm: Istorija i sovremennost' (na bašk. jaz.). Ufa, 1998.}

Иоселева 1965 — *Иоселева М. Я.* Происхождение магических чисел // Страны и народы Востока. Вып. 4. М., 1965. С. 239—241. {Ioseleva 1965 — *Ioseleva M. Ja.* Proisxoždenie magičeskix čisel // Strany i narody Vostoka. Vyp. 4. M., 1965. S. 239—241.}

История башкирского народа — История башкирского народа. Т. 1 / Гл. ред. *Кульшарипов М. М.* М., 2009. {Istorija baškirskogo naroda — Istorija baškirskogo naroda. T. 1 / Gl. red. *Kul'šaripov M. M.* M., 2009.}

Камалов 1994 — *Камалов А. А.* Башкирская топонимия. Уфа, 1994. {Kamalov 1994 — *Kamalov A. A.* Baškirskaĵa toponimija. Ufa, 1994.}

Кенесбаев 1946 — *Кеңесбаев С.* «Жети», «үш», «тоғыз», «қырық» пен байланысты ұғымдар // Известия АН Казахской ССР. Серия филологических наук. Вып. 4 (29). Алма-Ата, 1946. С. 3—14. {Kenesbaev 1946 — *Keñesbaev S.* “Žeti”, “üş”, “toğyz”, “қырық” pen bajlanysty üğymdar // Izvestija AN Kazaxskoj SSR. Serija filologičeskix nauk. Vyp. 4 (29). Alma-Ata, 1946. S. 3—14.}

Керлот 1994 — *Керлот Х. Э.* Словарь символов. М., 1994. {Kerlot 1994 — *Kerlot X. E.* Slovar' simvolov. M., 1994.}

Кириллин 2000 — *Кириллин В. М.* Символика чисел в литературе Древней Руси (XI—XVI вв.). СПб., 2000. {Kirillin 2000 — *Kirillin V. M.* Simvolika čisel v literature Drevnej Rusi (XI—XVI vv.). SPb., 2000.}

Ключников 1996 — *Ключников С. Ю.* Священная наука чисел. М., 1996. {Ključnikov 1996 — *Ključnikov S. Ju.* Sv'aščennaja nauka čisel. M., 1996.}

Ковалевский 1956 — *Ковалевский А. П.* Книга Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956. {Kovalevskij 1956 — *Kovalevskij A. P.* Kniga Ibn-Fadlana o ego putešestvii na Volgu v 921—922 gg. Har'kov, 1956.}

Койчубаев 1969 — *Койчубаев Е.* О семантике ведущих имен числительных во фразеологических оборотах, этнических и топонимических образованиях казахского языка // Исследования по тюркологии. Алма-Ата, 1969. С. 253—263. {Kojčubaev 1969 — *Kojčubaev E.* O semantike veduščix imen čislitel'nyx vo frazeologičeskix oborotax, etničeskix i toponimičeskix obrazovanijax kazaxskogo jazyka // Issledovanija po t'urkologii. Alma-Ata, 1969. S. 253—263.}

Кондратов 1978 — *Кондратов А. М.* Звуки и знаки. М., 1978. {Kondratov 1978 — *Kondratov A. M.* Zvuki i znaki. M., 1978.}

Кудайбергенев 1980 — *Кудайбергенев С.* Числительные в составе киргизских топонимов // Ономастика Средней Азии. Вып. 2. Фрунзе, 1980. С. 164—170. {Kudajbergenov 1980 — *Kudajbergenov S.* Čislitel'nye v sostave kirgizskix toponimov // Onomastika Srednej Azii. Vyp. 2. Frunze, 1980. S. 164—170.}

Кусимова, Биккулова 1975 — *Кусимова Т. Х., Биккулова С. А.* Башкирские имена (на башк. яз). Уфа, 2000. {Kusimova, Bikkulova 1975 — *Kusimova T. X., Bikkulova S. A.* Baškirske imene (na bašk. jaz.). Ufa, 2000.}

Лотман 1970 — *Лотман Ю. М.* Семантика числа и тип культуры // Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970. С. 58—63. {Lotman 1970 — *Lotman Ju. M.* Semantika čisla i tip kul'tury // Stat'ji po tipologii kul'tury. Tartu, 1970. S. 58—63.}

Маковский 1996 — *Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996. {Makovskij 1996 — *Makovskij M. M.* Sravnitel'nyj slovar' mifologičeskoj simvoliki v indoevropejskix jazykax: Obraz mira i miry obrazov. M., 1996.}

Малов 1951 — *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.; Л., 1951. {Malov 1951 — *Malov S. E.* Pam'atniki drevnet'urkskoj pis'mennosti: Teksty i issledovanija. M.; L., 1951.}

Миллер 1964 — *Миллер Дж. А.* Магическое число семь плюс или минус два: О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию // Инженерная психология. М., 1964. С. 192—225. {Miller 1964 — *Miller Dž. A.* Magičeskoe čislo sem' pl'us ili minus dva: O nekotoryx predelax našej sposobnosti pererabatyvat' informaciju // Inženernaja psixologija. M., 1964. S. 192—225.}

Молчанова 1976 — *Молчанова О. Т.* Числительные и счетные слова в алтайских топонимах // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1976. С. 151—155. {Molčanova 1976 — *Molčanova O. T.* Čislitel'nye i sčetnye slova v altajskix toponimach // Proisxoždenie aborigenov Sibiri i ix jazykov. Tomsk, 1976. S. 151—155.}

Мурзаев 1996 — *Мурзаев Э. М.* Тюркские географические названия. М., 1996. {Murzaev 1996 — *Murzaev E. M.* T'urkskie geografičeskije nazvanija. M., 1996.}

Неклюдов 1984 — *Неклюдов С. Ю.* Героический эпос монгольских народов. М., 1984. {Nekl'udov 1984 — *Nekl'udov S. Ju.* Geroičeskij epos mongol'skix narodov. M., 1984.}

Никольский 1899 — *Никольский Д. П.* Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899. {Nikol'skij 1899 — *Nikol'skij D. P.* Baškiry: Etnografičeskoe i sanitarno-antropologičeskoe issledovanie. SPb., 1899.}

- Новичкова 1984 — *Новичкова Т. А.* Традиционные числа в былинах // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 43. Вып. 2. М., 1984. С. 144—155. {Novičkova 1984 — *Novičkova T. A.* Tradicionnye čisla v bylinax // Izvestija AN SSSR. Serija literatury i jazyka. T. 43. Vyp. 2. M., 1984. S. 144—155.}
- Панфилов 1977 — *Панфилов В. З.* Философские проблемы языкознания: Гносеологические аспекты. М., 1977. {Panfilov 1977 — *Panfilov V. Z.* Filosofskie problemy jazykoznanija: Gnoseologičeskie aspekty. M., 1977.}
- Петров 1980 — *Петров К. И.* Тюркские средневековые этнопонимы от числительного семь (к происхождению топонима Джети-суу — Семиречье) // Ономастика Средней Азии. Вып. 2. Фрунзе, 1980. С. 149—164. {Petrov 1980 — *Petrov K. I.* T'urkskie srednevekovye etnotoponimy ot čislitel'nogo sem' (k proisxoždeniju toponima Džeti-suu — Semireč'e) // Onomastika Srednej Azii. Vyp. 2. Frunze, 1980. S. 149—164.}
- Поппе 1927 — *Поппе Н. Н.* Монгольские числительные // Языковедные проблемы по числительным. Т. 1. Л., 1927. {Poppe 1927 — *Poppe N. N.* Mongol'skie čislitel'nye // Jazykovednye problemy po čislitel'nym. T. 1. L., 1927.}
- Потебня 1941 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 4. М., 1941. {Potebn'a 1941 — *Potebn'a A. A.* Iz zapisok po russkoj grammatike. T. 4. M., 1941.}
- Праведников 1996 — *Праведников С. П.* Имена числительные в фольклорном тексте: Лексикологический и лексикографический аспекты. Курск, 1996. {Pravednikov 1996 — *Pravednikov S. P.* Imena čislitel'nye v fol'klornom tekste: Leksikologičeskij i leksikografičeskij aspekty. Kursk, 1996.}
- Пюрбеев 1993 — *Пюрбеев Г. Ц.* Эпос «Джангар»: Культура и язык (этнолингвистические этюды). Элиста, 1993. {P'urbееv 1993 — *P'urbееv G. C.* Epos "Džangar": Kul'tura i jazyk (etnolingvističeskie et'udy). Elista, 1993.}
- Раемгужина 1999 — *Раемгужина З. М.* Языковая картина мира в башкирской фразеологии (в сопост. с нем. яз.). Уфа, 1999. {Raemgužina 1999 — *Raemgužina Z. M.* Jazykovaja kartina mira v baškirskoj frazeologii (v sopost. s nem. jaz.). Ufa, 1999.}
- Раемгужина 2006 — *Раемгужина З. М.* Башкирский антропонимикон в свете языковой картины мира: Аспекты формирования и особенности функционирования. Уфа, 2006. {Raemgužina 2006 — *Raemgužina Z. M.* Baškirskij antroponimikon v svete jazykovoj kartiny mira: Aspekty formirovanija i osobennosti funkcionirovanija. Ufa, 2006.}
- Рамстедт 1957 — *Рамстедт Г. И.* Введение в алтайское языкознание: Морфология. М., 1957. {Ramstedt 1957 — *Ramstedt G. I.* Vvedenie v altajskoe jazykoznanie: Morfologija. M., 1957.}
- Самойлович 1927 — *Самойлович А. Н.* Турецкие числительные количественные и обзор попыток их толкования // Языковедные проблемы по числительным. Т. 1. Л., 1927. С. 135—156. {Samojlovič 1927 — *Samojlovič A. N.* Tureckie čislitel'nye količestvennye i obzor popytok ix tolkovanija // Jazykovednye problemy po čislitel'nym. T. 1. L., 1927. S. 135—156.}
- СБЯ 1993 — *Словарь башкирского языка. В 2-х тт. / Ред. Бишеев А. Г. М., 1993. {SBJa 1993 — Slovar' baškirskogo jazyka. V 2-x tt. / Red. Biišev A. G. M., 1993.}*
- Сельвина 1983 — *Сельвина Р. Л.* Отражение древней числовой символики в калмыцкой антропонимике // Ономастика Калмыкии. Элиста, 1983. С. 73—84. {Sel'vina 1983 — *Sel'vina R. L.* Otráženie drevnej čislovoj simboliki v kalmyckoj antroponimike // Onomastika Kalmykii. Elista, 1983. S. 73—84.}
- СИГТЯ 1988 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология / Отв. ред. Тенишев Э. Р. М., 1988. {SIGTJa 1988 — *Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Morfologija / Otv. red. Tenišev E. R. M., 1988.}*
- СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. 2-е изд. / Отв. ред. Тенишев Э. Р. М., 2001. {SIGTJa 2001 — *Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Leksika. 2-e izd. / Otv. red. Tenišev E. R. M., 2001.}*
- СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Тенишев Э. Р., Дыбо А. В. М., 2006. {SIGTJa 2006 — *Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Prat'urkskij jazyk-osnova. Kartina mira prat'urkskogo etnosa po dannym jazyka / Otv. red. Tenišev E. R., Dybo A. V. M., 2006.}*
- Степанов 1989 — *Степанов Ю. С.* Счет, имена чисел, алфавитные знаки чисел в индоевропейских языках // Вопросы языкознания. 1989, 5. С. 5—31. {Stepanov 1989 — *Stepanov Ju. S.* Sčet, imena čisel, alfavitnye znaki čisel v indoevropeskix jazykax // Voprosy jazykoznanija. 1989, 5. S. 5—31.}
- Сулейманова 2005 — *Сулейманова М. Н.* Доисламские верования и обряды башкир. Уфа, 2005. {Sulejmanova 2005 — *Sulejmanova M. N.* Doislamskie verovanija i obr'ady baškir. Ufa, 2005.}
- Тенишев 1978 — *Тенишев Э. Р.* Тюркские «один», «два», «три» // Тюркологический сборник—1974. М., 1978. С. 110. {Tenišev 1978 — *Tenišev E. R.* T'urkskie "odin", "dva", "tri" // T'urkologičeskij sbornik—1974. M., 1978. S. 110.}
- Толстая 2002 — *Толстая С. М.* Счет и число в народной традиции: Семантика, оценка, магия // Семиотика и информатика (сб. науч. статей). Вып. 37. М., 2002. С. 43—58. {Tolstaja 2002 — *Tolstaja S. M.* Sčet i čislo v narodnoj tradicii: Semantika, ocenka, magija // Semiotika i informatika (sb. nauč. statej). Vyp. 37. M., 2002. S. 43—58.}
- Топоров 1980 — *Топоров В. Н.* О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста. М., 1980. С. 3—58. {Toporov 1980 — *Toporov V. N.* O čislovyx model'ax v arhaičnyx tekstax // Struktura teksta. M., 1980. S. 3—58.}

- Топоров 1982 — *Топоров В. Н.* Числа // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 629—630. {*Toporov 1982 — Toporov V. N.* Čisla // Mify narodov mira. T. 2. M., 1982. S. 629—630.}
- Ураксин 1996 — *Ураксин З. Г.* Фразеологический словарь башкирского языка (на башк. яз.). Уфа, 1996. {*Uraksin 1996 — Uraksin Z. G.* Frazеологі́českij slovar' baškirskogo jazyka (na bašk. jaz.). Ufa, 1996.}
- Усманова 1994 — *Усманова М. Г.* Имя отчей земли: Историко-лингвистическое исследование топонимии бассейна реки Сакмар. Уфа, 1994. {*Usmanova 1994 — Usmanova M. G.* Im'a otcěj zemli: Istoriko-lingvističeskoe issledovanie toponimii bassejna reki Sakmar. Ufa, 1994.}
- Фролов 1968 — *Фролов Б. А.* К истолкованию числовой символики палеолита // Сибирский археологический сборник: Древняя Сибирь. Новосибирск, 1968. {*Frolov 1968 — Frolov B. A.* K istolkovaniju čislovoj simboliki paleolita // Sibirskij arхеологі́českij sbornik: Drevn'aja Sibir'. Novosibirsk, 1968.}
- ФЭС 2006 — *Философский энциклопедический словарь* / Ред. *Петрунин Ю. Ю., Панов М. И.* М., 2006. {*FES 2006 — Filosofskij enciklopedičeskij slovar'* / Red. *Petrinin Ju. Ju., Panov M. I.* M., 2006.}
- Хадыева 2002 — *Хадыева Р. Н.* Этнолингвистический словарь башкирского языка (на башк. яз.). Уфа, 2002. {*Hadjeva 2002 — Hadjeva R. N.* Etnolingvističeskij slovar' baškirskogo jazyka (na bašk. jaz.). Ufa, 2002.}
- Хадыева 2005 — *Хадыева Р. Н.* Башкирская этнокультура и язык: Опыт воссоздания языковой картины мира. М., 2005. {*Hadjeva 2005 — Hadjeva R. N.* Baškirskaја etnokul'tura i jazyk: Opyt vossozdanija jazykovoj kartiny mira. M., 2005.}
- Хисамитдинова 1991 — *Хисамитдинова Ф. Г.* Башкирская ойконимия XVI—XIX вв. Уфа, 1991. {*Xisamitdinova 1991 — Xisamitdinova F. G.* Baškirskaја oјkonimija XVI—XIX vv. Ufa, 1991.}
- Хисамитдинова 2002 — *Хисамитдинова Ф. Г.* Башкирская мифология: Словарь-справочник (на башк. яз.). Уфа, 2002. {*Xisamitdinova 2002 — Xisamitdinova F. G.* Baškirskaја mifologija: Slovar'-spravočnik (na bašk. jaz.). Ufa, 2002.}
- Хисамитдинова 2010 — *Хисамитдинова Ф. Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010. {*Xisamitdinova 2010 — Xisamitdinova F. G.* Mifologičeskij slovar' baškirskogo jazyka. M., 2010.}
- Хроленко 1972 — *Хроленко А. Т.* О «втором плане» числительных // Научно-практические очерки по русскому языку. Вып. 6. Курск, 1972. С. 74—82. {*Xrolenko 1972 — Xrolenko A. T.* O “vtorom plane” čislitel'nyx // Naučno-praktičeskije očerki po russkomu jazyku. Vyp. 6. Kursk, 1972. S. 74—82.}
- Чанышев 1985 — *Чанышев Я. А.* К этимологии тюркских числительных первого десятка // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985. С. 78—82. {*Čanyšev 1985 — Čanyšev Ja. A.* K etimologii t'urkskix čislitel'nyx pervogo des'atka // Teorija i praktika etimologičeskix issledovanij. M., 1985. S. 78—82.}
- Чернышев 1946 — *Чернышев В. И.* О «стержневых» именах числительных в русском и казахском языке // Известия АН Казахской ССР. Серия филологических наук. Вып. 4 (29). Алма-Ата, 1946. С. 45—52. {*Černyšev 1946 — Černyšev V. I.* O “steržnevux” imenax čislitel'nyx v russkom i kazaxskom jazyke // Izvestija AN Kazaxskoj SSR. Serija filologičeskix nauk. Vyp. 4 (29). Alma-Ata, 1946. S. 45—52.}
- Шакуров 1986 — *Шакуров Р. З.* По следам географических названий: Топонимия бассейна р. Демы. М., 1986. {*Šakurov 1986 — Šakurov R. Z.* Po sledam geografičeskix nazvanij: Toponimija bassejna r. Demy. M., 1986.}
- Шеппинг 1893 — *Шеппинг Д. О.* Символика чисел // Филологические записки. Вып. 1. Воронеж, 1893. С. 1—9. {*Šeppling 1893 — Šeppling D. O.* Simvolika čisel // Filologičeskije zapiski. Vyp. 1. Voronež, 1893. S. 1—9.}
- Щербак 1959 — *Щербак А. М.* Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М., 1959. {*Ščerbak 1959 — Ščerbak A. M.* Oguz-name. Muxabbat-name. Pam'atniki drevneujgurskoј i starouzbekskoj pis'mennosti. M., 1959.}
- Шичжан 2001 — *Шичжан Я.* Модель числа как фрагмент русской языковой картины мира. М., 2001. {*Šičžan 2001 — Šičžan Ja.* Model' čisla kak fragment russkoј jazykovoj kartiny mira. M., 2001.}
- Эрниц 1987 — *Эрниц Э. К.* К происхождению числительного один // Советская тюркология. 1987, 2. С. 77—79. {*Ernits 1987 — Ernits E. K.* K proisxoždeniju čislitel'nogo odin // Sovetskaja t'urkologija. 1987, 2. S. 77—79.}
- ЭСТЯ 1974 — *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные* / Ред. *Севортян Э. В.* М., 1974. {*ESTJa 1974 — Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na glasnije* / Red. *Sevort'an E. V.* M., 1974.}
- ЭСТЯ 1989 — *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й»* / Ред. *Севортян Э. В., Левитская Л. С.* М., 1989. {*ESTJa 1989 — Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvy “ž”, “ž”, “j”* / Red. *Sevort'an E. V., Levitskaja L. S.* M., 1989.}
- Юдахин 1940 — *Юдахин К. К.* Киргизское ич 'пять' // Труды Института востоковедения. 1940, 2. С. 191—193. {*Judaxin 1940 — Judaxin K. K.* Kirgizskoe ič 'p'at' // Trudy Instituta vostokovedenija. 1940, 2. S. 191—193.}
- Abdulla 2006 — *Abdulla Behlül.* Folklorida Qırx Sayı // Folklore and Ethnography. 2004, 2. P. 42—46.
- Blazhek 1999 — *Blazhek V.* Numerals — Comparative Etymological Analyses and their Implications. Brno, 1999.
- Durbilmez 2008 — *Durbilmez Bayram.* Nahçıvan türk halk inanışlarında mitolojik sayılar // Turkish Studies: International Periodical For the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. 2008, 3/7. P. 340—352.
- EDAL — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* with the assistance of *Gruntov I., Glumov V.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Vol. 1—3. Leiden — Boston, 2003.

- Hartmann 1900 — *Hartmann M.* Zur türkischen Dialektkunde // KSz. 1900, 1.
Kaşğari 1939—1943 — *Kaşğari Mahmud.* Divanъ Lugat-it-türk // Besim Atalay. I—IV. Ankara, 1939—1943.
Ramstedt 1957 — *Ramstedt G. J.* Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. I. Lautlehre. Helsinki, 1957.
Räsänen 1957 — *Räsänen M.* Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen // StO. 1957, 21.
VEWT — *Räsänen M.* Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. Bd. 1—2. Helsinki, 1969—1971.

РЕЗЮМЕ

В данной статье рассматривается сакральная семантика числительных башкирского языка. Этнокультурные значения чисел зафиксированы в духовной и материальной культуре, фольклоре и языке народа. В статье дается описание сакральных значений чисел 1, 2, 3, 4, 5, 7, 9, 12, 40, 100, 1000, которые формируют числовые представления башкир в рамках языковой картины мира.

SUMMARY

This article discusses the sacral meaning of numbers in the Bashkir language. The ethnocultural sense of numbers has been fixed in the people's language, folklore, spiritual and material culture. The article offers a description of the sacral meaning of such numbers as 1, 2, 3, 4, 5, 7, 9, 12, 40, 100 and 1,000, which shape the Bashkirs' numerical notions in the frame of the linguistic worldview.

Ключевые слова: башкирский язык, числительные, число, картина мира, этнокультурная символика

Keywords: the Bashkir language, numerals, number, worldview, ethnocultural sense